

АЛЕКСАНДР НЕЧУХРИН (Гродно)

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

В историографии длительное время дебатруется вопрос о кризисе позитивистской парадигмы истории на рубеже XIX-XX вв. Кризисный этап в развитии любой науки явление нормальное и даже общеобязательное в период смены научных парадигм. Кризис – это, говоря словами Т. Куна, “соответствующая прелюдия к возникновению новых теорий”. Характеристика каждого конкретного кризиса в историографии, выяснение его причин и следствий требует тщательного анализа как старой научной парадигмы, ее структурных элементов, так и новых теорий, претендующих на ее замещение. В связи с этим задача статьи заключается в попытке выделить основные элементы позитивистской парадигмы истории, для того, чтобы определить какие из них вошли в противоречие с новой эпохой, наступившей в XX веке, что привело к кризису парадигмы. Работа основывается на материалах российской историографии.

Рассматривая кризисы в историографии в качестве необходимого компонента в развитии науки, представляющего из себя переходный период от одной парадигмы к другой, следует оговориться, что подразумевается под термином “парадигма”. В это понятие Т. Кун, с именем которого связано его широкое распространение, вкладывает следующее содержание: “... признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу”¹. Употребление понятия самим американским ученым далеко не однозначно. С одной стороны, он трактует его как совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т.д., характерных для членов данного научного сообщества, а с другой, в виде конкретных решений – головоломок, которые могут быть использованы в качестве моделей для решения еще неразгаданных головоломок². В конечном итоге парадигма для Куна – “это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму”³.

В данной работе понятие парадигма будет употребляться в широком его смысле – в качестве совокупности убеждений, ценностей и связанных с ними признанных научных достижений, дающих модель постановки и решения проблем научному сообществу. Например, позитивистская, марксистская парадигмы истории и т.д. Кун обосновывал свое понимание развития науки на материале физики и исходил из идеи саморазвивающейся науки, т.е. видел причины смены парадигм исключительно в рамках самого научного знания. Такой подход односторонен даже для физики. Тем более мы не можем игнорировать особенностей истории, ее природы как общественной науки. Поэтому социальный фактор должен быть обязательно введен при раскрытии смены общих концепций в истории, другое дело – может ли он выступать в качестве системообразующего. На наш взгляд, следует согласиться с позицией В. С. Стёпина, утверждающего, что “научная картина мира развивается, с одной стороны, под непосредственным воздействием новых теорий и фактов, постоянно соотносимых с ней, а с другой – испытывает на себе влияние господствующих ценностей культуры, меняется в процессе их исторической эволюции, оказывая на них активное обратное воздействие”⁴. Историческая наука при таком взгляде подчиняется тем же закономерностям, развития, что и науки в целом, но с большей зависимостью по своей природе от социального фактора. По той же причине особое значение для истории приобретает ее связь с другими науками о человеке, а также с художественным познанием. Следовательно, кризис исторической науки конца XIX – начала XX вв. можно понять лишь в общем контексте явлений, происходящих в этот период в науке, культуре и общественно-политической жизни⁵.

Ведущим течением в российской историографии второй половины XIX в. было позитивистское. В лице своих наиболее крупных представителей, таких, как В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, В. И. Лучицкий, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов и др. позитивистская историография России выдвинулась на передовые позиции в мировой науке. Создание учебников и популярных пособий, курсов лекций, многочисленных монографических трудов по различным разделам всеобщей и российской истории, обобщающих работ (зачастую вышедших из лекционных курсов) – все это свидетельствовало о том, что к концу XIX века мы имеем вполне сложившуюся позитивистскую парадигму истории. Причем, многие труды позитивистских историков выполнены столь основательно, что являются непревзойденными по сей день. Мало какой современный автор отважится замахнуться на написание “Истории Западной Европы в новое время” в 7 томах (1892-1917; т. 6 и 7 в 2-х книгах), как это сделал Н. И. Кареев. Или, подобно ему же, писать труды, начиная с проблем истории древнего Востока, кончая современностью. Кареев был во-

все не одинок в широте своих взглядов и исследовательских интересов. Поистине всеобщими историками были П. Г. Виноградов и М. М. Ковалевский. В. О. Ключевский создал цельную концепцию российской истории и развил ее в обширном курсе лекций. Примечательно, что историки с европейским именем не считали для себя зазорным писать учебники для гимназий, заниматься популяризаторской работой⁶. Высокий профессиональный уровень результатов их деятельности обеспечивал им прочный авторитет в читательской среде, придавал устойчивость позитивистской парадигме истории.

Какие основные черты характеризовали подход исследователей-позитивистов к изучению истории? Какие структурообразующие элементы их мировоззрения вошли в противоречие с новой эпохой? Ответы на эти вопросы позволяют уяснить суть кризиса историографии конца XIX – начала XX вв. и позиции авторов, претендовавших на формулирование новой парадигмы истории⁷.

Необходимо постоянно помнить об известной условности рисуемой нами картины. Представлять дело, что до конца XIX века существовала одна историческая парадигма и историки судили, например, сугубо по нормам позитивистской философии, а с начала XX века всё решительно изменилось, все заговорили на языке неопозитивизма или неокантианства и т.д., значит искажать историческую действительность. Само появление новой парадигмы было немислимо, если бы отдельные элементы ее не “накапливались” в рамках предыдущих систем. Взгляды каждого крупного исследователя отличались глубоким своеобразием, они не укладываются в жестко заданную схему. Традиция и новации переплетались в них самым причудливым образом. Поэтому неизбежна определенная драматизация истории науки, огрубление реальности, потеря индивидуальных подходов тех или иных авторов, коль речь идет о создании некоторой обобщающей модели. Только с учетом всех этих оговорок можно говорить о позитивистской парадигме истории, ее кризисе на рубеже веков и вытеснении новыми критическими концепциями.

Невозможно представить себе развитие историографии в XIX в. вне учета влияния естественных наук. Как подчеркивает немецкий философ Х. Г. Гадамер: “Логическое самосознание гуманитарных наук, сопровождавшее в XIX в. их фактическое формирование, полностью находится во власти естественных наук”⁸. Этому идеалу “естествознания об обществе”, приобретенному программный характер, мы обязаны исследовательскими успехами во многих гуманитарных областях⁹. В значительной степени такое влияние объясняется успехами наук о природе и относительным отставанием общественных наук, в том числе истории. С естествознанием связывались надежды на революционизирование наук об обществе, на возвышение их в ранг точных наук¹⁰. В этом смысле кумир тог-

дашней молодежи Н. Г. Чернышевский оптимистически писал в 1860 г.: “Еще не так далеко от нас время, когда нравственные науки в самом деле не могли иметь содержания, которым бы оправдывался титул науки, им принадлежавший... Теперь положение дел значительно изменилось. Естественные науки уже развились настолько, что дают много материалов для точного решения нравственных вопросов”¹¹. Оптимизм философа заходит так далеко, что к нерешённым теоретическим вопросам нравственных наук он относит лишь узкоспециальные, которые неспециалисту даже не придут в голову¹². Конечно, было бы неправомерно сводить научные позиции выдающегося мыслителя, к приведенным высказываниям, но настрой их весьма характерен.

О том, что в своих упованиях на естествознание Н. Г. Чернышевский был не одинок, свидетельствуют и взгляды молодого Н. К. Михайловского – властителя дум поколения 70-80-х гг. По убеждению Михайловского, едва ли может подлежать сомнению то положение, “что ныне существующие общественные науки должны ожидать своего обновления от сближения с естествознанием”¹³. Констатируя “пронесшееся недавно над нашим обществом страстное увлечение естественными науками”, философ указывает: “Общественная наука неизбежно должна чем-нибудь позаимствоваться у естествознания, во-первых, потому, что естествознание, как наука старшая, успело выработать целый арсенал логических приемов, а, во-вторых, потому, что общество управляется, кроме своих специальных законов, еще законами, царящими и над остальной природой”¹⁴. Но, ставя вопрос о заимствованиях, Михайловский одним из первых русских позитивистов указал и на их границы, чтобы избежать недоразумений, печальных по своему теоретическому и практическому результату.

К концу XIX века естественные науки пережили две глобальные революции, решительно изменившие их облик: это революции 1) XVII и 2) конца XVIII – первой половины XIX вв., которые сформировали общие познавательные установки т.н. “классической науки”. Сущность данных установок раскрывает В. С. Стёпин¹⁵. В их основе, указывает ученый, лежит идея, согласно которой объективность и предметность научного знания достигаются только в условиях, когда из описания и объяснения исключается всё, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Объект познания мыслился в качестве чего-то внешнего, совершенно независимого от суверенного разума, который не детерминирован никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик исследуемых объектов. Изучаемые объекты предполагались в качестве малых систем с небольшим количеством элементов и жестко детерминированными связями. Считалось, что свойство целого полностью определяется состоянием и свойством частей.

В процессе второй научной революции формируются в ряде областей знания специфические картины реальности, несводимые к механической. Одновременно происходит дифференциация дисциплинарных идеалов и норм исследования, отражающая специфику изучаемых объектов, но общие познавательные установки классической науки сохраняются.

Очевидно, что развитие исторической науки вполне укладывается в заданные параметры с той поправкой, что сдвиги в историографии происходили с существенной задержкой, свидетельствующей о зависимости историографии от мировоззренческих сдвигов более общего плана¹⁶.

На формирование мировоззрения российских историков второй половины XIX в. естествознание оказывало воздействие как непосредственно своими успехами в физике, биологии, химии, математике, так и опосредованно через философию позитивизма, исходящую из идеи единства научного знания¹⁷. Факультеты естественных наук привлекали к себе молодежь и зачастую выбор для будущих известных историков профессии протекал весьма болезненно. Так, М. А. Дьяконов начал учёбу в медико-хирургической академии и только с третьего курса перешел на юридический факультет Петербургского университета¹⁸. В. И. Семевский также пришел на исторический факультет Петербургского университета, проучившись около трех лет в медико-хирургической академии¹⁹. В ту же академию, под влиянием философии позитивизма, правда, неудачно, пытался поступить киевский историк И. В. Лашнюков²⁰. Напротив, повальное увлечение естественными науками заставило изменить истории и перейти с филологического на медицинский факультет Казанского университета, одного из наиболее известных в будущем российских офтальмологов Е. В. Адамока²¹. Такая же судьба была и у известного киевского ботаника О. В. Баранецкого, переведшегося в 1861 г. с историко-филологического факультета Московского университета на физико-математический факультет Петербургского университета²². В примерах отражается атмосфера 50-70-х гг., в которой формировалась позитивистская историческая парадигма. Наиболее удачно эта эпоха передана в романе И. С. Тургенева "Отцы и дети". Хотя с годами атмосфера успокоилась, но общая тенденция сохранялась вплоть до конца века.

Вполне в духе классического позитивизма П. Г. Виноградов свои лекции "О прогрессе" начинал на высоком настрое: "С каждым годом, можно сказать, — с каждым днем, среди мыслящих людей нашего общества всё настоятельнее и настоятельнее становится запрос на осмысленное изложение исторических фактов, на построение науки об обществе, социологии, которая достойно бы завершила ряд наук математических, естественных и философских на определение законов и обобщений, которые внесли бы ясность и принципиальность в хаотическое многообразие исторического материала"²³. Совершенно определенно историк связывает все свои наде-

жды на создание подлинной науки об обществе с позитивизмом. Позитивистское направление привлекает его именно потому, что оно “ставит себе прежде всего целью точное изучение явлений, проникнуто недоверием ко всякой метафизике и складывается под влиянием методов и идей естествознания”²⁴.

Во второй половине XIX в. в естествознании происходит размывание ранее господствовавших норм механического объяснения, внедряются идеалы эволюционного объяснения. Это не могло пройти мимо внимания историков и содействовало сближению гуманитарных и естественных наук. Виноградов в этом смысле точно отметил: “Истинное влияние естествознания на историю начинается, когда само естествознание прониклось идеей превращения и развития и выработало себе ... исторический метод”²⁵. В конечном итоге этот фактор действует по сей день, способствуя синтезу картин реальности, вырабатываемых в различных науках, в общенаучную картину мира, пронизанную идеями глобального эволюционизма²⁶.

Были попытки прямого перенесения методов и норм естественных наук в историческое исследование. Например, это сочинение А. И. Стронина “История и метод” (СПб., 1869), подвергнутое обоснованной критике Н. К. Михайловским. Но как совершенно справедливо писал С. А. Котляревский: “Было бы в высшей степени близоручко судить об этом воздействии (успехов в изучении природы на историю – А. Н.) по некоторым легкомысленным и торопливым приемам перенесения в науку о человеке естественно-научных категорий и естественно-научных систем. Несравненно важнее была та атмосфера научного детерминизма, которая утвердилась более всего под влиянием роста естествознания в современном цивилизованном мире”²⁷. Действительно, именно дух естественных наук, их идеалы и нормы исследования как бы витали над историками. Это был тот образец, которому стремились подражать, резервуар истин, откуда черпались примеры и аргументы для сравнения и обоснования собственных позиций. Так обратимся к специальному курсу В. О. Ключевского “Методология русской истории” (1884/85) академический год), чрезвычайно интересному и по постановке задачи – дать метод русской истории, и по исполнению²⁸. Прочестъ в средние 80-х гг. курс по методологии истории – явление неординарное для России, здесь ученый выступал во многом как первооткрыватель. Но в данном случае для нас интересно то, что курс насыщен примерами и сравнениями из естествознания. Так, объясняя своим слушателям, что такое историческое явление и какие явления подлежат вниманию историка, а какие – нет, лектор предлагает “обратиться к наукам, стоящим на более твердой почве, чем история”. Ключевский обращается к исследованию земной атмосферы и в качестве обычного явления рассматривает ветер, а прои-

сшествия – бурю: “События, совершающиеся в человечестве, – делает он вывод, – и суть с научной стороны явления, параллельные бурям и наводнениям в природе, в них обнаруживается действие тех же сил, но только в формах, не вызываемых необходимо природой сил и законами их действия”²⁹. Исследователь должен сосредоточить свои усилия, убежден историк, не на событиях или приключениях, а на явлениях, которые не могут не быть вызываемы повелительными историческими причинами, т.е. изучать быт: понятия, нравы, привычки, право³⁰. Раскрывая содержание “субъективного” и “объективного” методов в истории, о чем речь пойдет ниже, Ключевский сравнивает первый “с популярным изложением физических явлений, где излагающий отправляется от явлений, наиболее часто повторяющихся перед глазами наблюдателя”³¹. Но главное было даже не в этих примерах, а в стремлении ученого “подтянуть” историю до уровня естественных наук и, в первую очередь, за счет обеспечения строгой объективности исследования. В позитивистскую историографию весьма активно внедрялся идеал исследования, из которого исключались бы элементы, связанные с субъектом и процессами его познавательной деятельности.

Обоснованию этого идеала в позитивистской социологии много внимания уделил Г. Спенсер³². В России позиция Спенсера была принята неоднозначно. Если представители школы “субъективной социологии” отнесли к рассуждениям английского философа весьма критически³³, то среди большинства профессиональных историков его объективизм был воспринят сочувственно. Другим авторитетом, влиявшим на выработку объективистского идеала исследования в русской историографии был Леопольд фон Ранке. Хотя Ранке исходил из иных соображений, чем позитивисты и не стремился к сближению истории и естественных наук, но мастерство критического анализа, видимая беспристрастность его работ привлекала к себе и не разделявших его общих исторических взглядов.

Авторы “Народной энциклопедии”, вышедшей под редакцией Н. С. Гольдина, рассматривают Ранке как вершину историографии XIX в.³⁴ В “Некрологе” В. П. Бузескула на смерть Ранке (1886 г.) объективность называется как выдающаяся черта ученого, главы “объективной школы”. “Его труды – шипет российский исследователь, – поражают своим беспристрастием и спокойным, невозмутимым тоном. Насколько вообще можно историку отрешиться от своих симпатий и антипатий при изложении явлений прошлого, настолько сделал это Ранке. С такой же объективностью судил он и о современных ему событиях”³⁵. П. Г. Виноградов указывал, что на студенческой скамье особенно сильное впечатление на него произвело чтение произведений Ранке и Токвиля, соединяющих научную объективность с умением приводить исторические

явления в стройную, внутренне обусловленную связь³⁶. Восторженную оценку творчеству немецкого ученого дал молодой Е. Н. Шепкин, посвятивший Ранке одну из первых своих крупных работ³⁷, и др. Призыв немецкого ученого писать историю с позиции “как это собственно было” вполне укладывался в нормы классической науки. Справедливо пишет американский исследователь С. Хьюз, в сущности школа Ранке “была глубоко нефилософской”, “то же самое может быть сказано и о ее враге и наследнике – о позитивизме девятнадцатого столетия”³⁸. Однако, их позиция вполне соответствовала научным нормам своего времени и имела сильные стороны.

Требование объективности исследования становится важнейшим принципом в российской историографии второй половины XIX в. Сам принцип не только не может вызывать сомнений, но и всю опасность отхода от него мы видим на примере негативных процессов, поразивших советскую историографию, подменившую объективность принципом партийности исследования. Но речь идет об ограниченности трактовки принципа объективности в позитивистской парадигме истории. Объективность связывалась с ограничением познавательной активности субъекта по образцу естествознания первой половины XIX столетия.

В этом плане весьма показательна критика П. Н. Милюковым³⁹ Н. Я. Данилевского за то, что он “в своем мировоззрении остановился посредине между идеализмом и реализмом, и приняв механическое мирозерцание для одной половины наук, отвергнул его по отношению к другой”⁴⁰. По мнению Милюкова, эта раздвоенность и непоследовательность лежит в основе многих ошибочных положений и установок историка. В том числе она сказалась и на его объективности: “Чуть ли не с каждой страницы “России и Европы” выглядывают на нас эти два различных выражения авторской физиономии, постоянно меняющиеся. То мы видим перед собой спокойное, беспристрастное, лицо натуралиста, человека пережившего так или иначе, самый разгар увлечения русского общества естественно-научными знаниями и привыкшего к употреблению строгого метода точных наук. То вдруг выражение этого лица меняется: перед нами раздраженный и осердившийся патриот”⁴¹. Отсюда и не случайно весьма произвольное выделение Милюковым двух подходов в историческом исследовании: научного и практического: “Один откроет законы исторической науки, а другой установит правила политического искусства”⁴². Вообще стремление развести два подхода к истории или два метода ее изучения – объективный (научный) и субъективный – весьма показательно для позитивистской историографии. По сути через такое деление, с одной стороны, пытались доказать единство наук о природе и обществе, а с другой, зафиксировать очевидный факт зависимости истории от общественной жизни.

Много внимания вопросу об объективном и субъективном методе изучения истории уделял в своем курсе “Методология русской истории” В. О. Ключевский, оказавший в этом плане несомненное влияние на Миллюкова. В основе субъективного метода, по его мнению, лежит стремление обосновать происхождение и постепенное образование современной культуры. Этот метод предполагает, что из всего многообразия исторических фактов отбирают лишь те, которые имеют отношение к современному состоянию образованного человечества. А поскольку оно неоднородно, культуры существенно различаются между собой, то и выбор, и самая оценка исторических явлений будут различны у историков разных культурных систем. Все содержание работы в этом случае зависит от широты личного кругозора исследователя. “Все изложенные заключения, вытекающие из основной мысли, излагаемого метода, сводятся к тому конечному выводу, – заключает Ключевский, – что такое историческое изучение отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, т.е. не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего. Поэтому такое изучение можно назвать субъективным и такой метод можно назвать **субъективным**”⁴³.

Соответственно объективный метод предполагает, утверждает ученый, что за точку отправления берется не изучающий субъект, а изучаемый объект. В этом случае современная культура рассматривается не в качестве итога развития человечества, а как одно из проходящих состояний и задачей исторического изучения станет **самое историческое движение**. Для его исследования уже не подходит субъективный метод. “Для изучающего теряет свою важность даже хронологическая последовательность явлений, ибо при изучении действия сил, свойств, людских союзов или последовательности движения важно не то, что после чего следует, а то, что из чего следует. Для такого изучения, которое в противоположность первому мы будем называть **объективным**, необходимы другие приемы изучения, этих приемов также три: **наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений**”⁴⁴.

Нетрудно увидеть, что объективный метод с его приемами изучения и есть применение ученым в истории естественнонаучного образца. Отсюда закономерны и примеры из естествознания, и сопоставление конкретных методов истории и наук о природе. Пожалуй, главное, в чем видит Ключевский известную неполноту истории, что она никогда не станет экспериментальной наукой, так как “у историка никогда не будет в руках того искусственного средства для познания свойства явлений, каким служит в руках естествоведа кабинетный опыт”⁴⁵. Но, по его мнению, нет оснований для уныния, поскольку сравнение “**заменяет историку опыт естествоведа**”⁴⁶.

В итоге Ключевский считает правомочным оба метода изучения истории, просто направлены они к разрешению неодинаковых задач. Субъективный метод – “облегченный способ исторического изучения” или “популярное изучение истории”, которое “делает из истории средство общественного воспитания”. На нем основывается преподавание истории. Тогда как объективный метод – основа строго научного изучения. Объективное изложение истории “ведет к познанию природы общежития независимо от житейских понятий и интересов изучающего”⁴⁷. Со временем оно может дать науку об устройстве общежития или прикладную историю⁴⁸.

Таким образом, вопрос об объективности изучения истории сводится Ключевским к применению историком того или иного метода, к его компетентности и личным устремлениям. Приемы объективного метода и описания его ученым предполагают дистанцированность исследователя от объекта изучения, пассивный характер самого процесса познания.

В то же время установка на объективность предполагала высокий профессионализм исследователя, мастерство работы с источниками, тщательность исторического анализа, осторожность в выводах. Своего рода эталоном такого подхода к истории можно рассматривать работы П. Г. Виноградова по средневековой истории Англии и Италии. “Задачей истории он считал объективную реконструкцию исторических фактов в их органической причинной связи”⁴⁹. Среди требований, безусловных для всякой научной исторической работы, ученый выдвигал такие как “исходить от текстов и не выдавать предположения за факты”, обязанность “относиться беспристрастно к своему делу и по возможности не вносить в него посторонних политических или патриотических предположений”, необходимость точного исследования сравниваемых объектов в отдельности для успешного применения научного сравнения и др.⁵⁰. Особенный упор он делал на критическую работу с источниками. Так, на своих семинарах в Московском университете, носивших преимущественно методологический характер, Виноградов стремился преподавать своим ученикам умение самостоятельно обращаться с источниками и применять к ним приемы научной критики. Как итог, среди будущих профессионалов высокого класса, обучавшихся в его семинариях мы видим С. Н. Трубецкого, П. Н. Милюкова, Д. М. Петрушевского, А. А. Кизеветтера и др.⁵¹.

Интерес к методологическим вопросам истории и широчайший научный кругозор позволил Виноградову преодолеть рамки узкой трактовки позитивистского подхода к источнику, пойти, в частности, дальше своего французского коллеги Фюстель де Куланжа. Критикуя позицию последнего, русский историк указывал, что необходим диалектический подход к источнику “уже хотя бы потому, что нельзя ограничиваться прямым

смыслом случайно дошедших до нас свидетельств, которые и отрывочны, и говорят часто не о том, что нас интересует и что действительно для нас важно. Приходится искать косвенного смысла, поворачивать свидетельства не тою стороной, которую оно обращено к нам в повествовании источника. А раз дело идет о такой аналитической перестановке, нельзя обойтись без логических построений и диалектического развития положений, противоположений и примирений”⁵².

Не выходя в целом за рамки позитивистской парадигмы в интерпретации роли субъекта в процессе познания, Виноградов признавал важную роль синтеза в историческом исследовании, полагая, что синтез и объективность вполне совместимы. Более того, ученый указывает, что ряд ошибок того же Фюстель де Куланжа как раз и проистекает из-за пренебрежения синтезом, стремления не выходить за рамки источникового знания. “По пословице: “природа изгнанная в дверь, возвращается в окно”, – пишет историограф, – синтетическое начало, против которого принято столько предосторожностей, проникает, в сущности, всю работу нашего автора и подчиняет себе аналитические соображения в гораздо большей степени, чем у всех, кто наивно или сознательно признавал его роль в предварительной, а не только в окончательной работе”⁵³. Таким образом, Виноградов высказывал некоторые положения, ставшие определяющими у критиков позитивистской парадигмы истории.

Говоря о синтезе, Виноградов не был склонен к каким-то широким обобщениям. Как проникательно заметил Н. И. Кареев, он рано начал относиться с некоторым недоверием и даже известного рода предубеждением к общим теориям историко-философского и социологического характера⁵⁴. И сам историк указывал в своей автобиографии, что скептически относился к теоретической социологии “в виду малой обоснованности и схоластической отвлеченности ее положений”⁵⁵. В этом плане его позиция расходилась со взглядами Н. И. Кареева, П. Н. Милокова, М. М. Ковалевского, В. О. Ключевского, И. В. Лучицкого и др., ожидавших от социологии широких обобщений для истории. В то же время, очевидно его влияние на представителей новых веяний в истории – Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, не только подвергших критике позитивистскую социологию, но и полагавших, что постепенно история заменит собой социологию⁵⁶.

Разногласия между П. Г. Виноградовым и другими историками-позитивистами о роли социологии для историй, конечно, не выходили за рамки позитивистской парадигмы. Вопрос стоял лишь о степени доверия выводам социологии и о большей или меньшей компетенции истории в определенных рамках, но не о необходимости для историка общих понятий или широкой синтетической работы. Конечно, были исследователи, склонные к эмпиризму, готовые пожертвовать обобщением ради сох-

ранения догмата объективизма. Таким представляется, например, исследователь феодальной Руси М. А. Дьяконов, характерной особенностью ученой работы которого было стремление не выходить далеко за рамки источникового знания, большая сдержанность в формулировке выводов. Его труды, по словам А. Е. Преснякова, “не дают цельных и широких построений, а содержат ряд частичных самостоятельных наблюдений и обобщений, систематических, но не сведенных и не сводимых в общую конструкцию ...”⁵⁷. Однако, как тип историк-эмпирик, тем более в духе выведенного в романе А. Франца “Остров пингвинов”, для российской историографии не был характерен ни во второй половине XIX, ни в начале XX века. Не случайно, прежде распространенный тезис об усилении тенденций к фактографичности и мелкотемью в историографии России эпохи империализма⁵⁸, никогда не был серьезно аргументирован. На самом деле, влияние позитивистской социологии, опиравшейся на опыт развития естественных наук, на историческое познание было велико. Через нее историческая наука усвоила целый ряд основополагающих онтологических и гносеологических понятий, была сориентирована на познание законов общественного развития.

Убежденность в существовании определенных законов в развитии общества была важнейшим элементом позитивистской парадигмы в истории. Историки-позитивисты могли спорить о характере этих законов, выявлены они либо это дело будущего, какая конкретно наука их открывает – история, социология, или психология, – но само существование законов было священным принципом, догматом веры, из которого исходил всякий исследователь. Подводя итоги XIX столетия, П. Г. Виноградов определил две главные идеи, господствовавшие над всеми научными воззрениями века и глубоко отразившиеся на всем его мироощущении, это – идея закона и идея развития⁵⁹. Историки верили, что дело открытия законов, управляющих обществом, верно. “Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, – указывал В. О. Ключевский, – может со временем – и это будет торжеством исторической науки – выработаться общая социологическая часть ее – наука об общих законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий”⁶⁰. Подчеркивалось социальное и научное значение знания законов истории. Причем дело доходило до известной их мистификации. Так, пренебрежение российского общества к своему прошлому во второй половине XIX в., по мнению Ключевского, привело к противоречию с исторической закономерностью, “которая не любит противоречия и наказывает за него. Исторический закон-строгий дядька незрелых народов и бывает даже их палачом, когда их глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к историческому самозабвению”⁶¹. Закон – наказывает, закон – поощряет как некая субстанция.

Идея закономерности истории полагалась в основу всех исследований историков-позитивистов. Научная история, говорил М. В. Лебедев, должна состоять из созерцания, уяснения причин и оценки событий и рассмотрения их с точки зрения **понятий** и **законов**⁶². Соответственно, и историческое изучение одесский ученый поделил на 1) историю событий, 2) историю состояний, 3) историю понятий, 4) историю законов. Такой анализ приводит его автора к выводу, что “историческое творчество своим логическим существом во всех частях сближается с общим гносеологическим творчеством, лежащим в основе всякого человеческого познания”⁶³. На аналогичных позициях стояли В. А. Гольцев, Л. Слонимский и др. авторы, выступавшие с критикой философии истории Н. И. Кареева за высказанное в ней сомнение в существовании “законов истории” и компетенции исторической науки в их открытии⁶⁴. П. Н. Милуков утверждал необходимость для исследователя исходить из идеи закономерного характера всех проявлений жизни. “Мы принимаем закономерность исторических явлений, – писал он, – совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы”⁶⁵. Современная наука, полагал Милуков, признает единство социальной эволюции человеческих обществ и их общественных идеалов⁶⁶. Несмотря на все разнообразие жизни народов, в основе их всех лежат общие социологические законы и поэтому “в бесконечном разнообразии национальных существований должны отыскаться и сходные, общие всем им элементы социального развития”⁶⁷. Свои надежды на открытие законов эволюции человеческого общества ученый связывал с научной социологией⁶⁸.

Четкого определения исторических законов позитивистская историография обычно не давала. Подробно на этом вопросе останавливались В. О. Ключевский и Н. И. Кареев. Взгляды Кареева – отдельный вопрос, а мнение первого: “... исторической закон есть начало, управляющее сменой исторических явлений”⁶⁹. Но поскольку любое историческое явление подчиняется действию различных внутренних и внешних сил, каждая из которых также подчиняется известным законам, то исторические законы, по Ключевскому, и надобно понимать, как **законы взаимодействия исторических сил**⁷⁰.

Понятие закономерности истории в позитивистской парадигме оказалось тесно увязанным с признанием наличия в истории прогресса. Определяя главные законы, которым подчиняется история, Д. И. Багaley писал, что к ним нужно отнести: 1) причинность исторических явлений, 2) их неповторяемость, 3) прогресс и 4) единство истории. Харьковский профессор указывал, что мысль о прогрессивном развитии человеческих обществ не только основывается на лучших чувствах человека, но и “находит себе оправдание в общем ходе исторического процесса. История рассматриваемая в небольших пространствах времени, – подчеркивает

ученый, – представляется однообразной; обнимаемая в больших периодах она представляет картину колебаний – акции и реакции; созерцаемая в целом, в обширном течении веков и народов, она заключает в себе основную идею прогресса”⁷¹. Убежденность в защите идеи прогресса Багалея в 1914 г., когда она подвергалась решительной критике, показатель важности ее как структурного элемента позитивистского понимания истории.

Специальные лекции о прогрессе в Москве в 1898 г. прочел П. Г. Виноградов. Достаточно осторожно, но решительно лектор отстаивал представление об историческом прогрессе, позволившее “провести просеки в дремучем лесу истории, впустить в него солнечный луч ...”⁷². Исследователь всегда был убежден в том, что история представляет из себя не “капризное сплетение разнокалиберных событий”, а “проявление строгой внутренней необходимости”⁷³. Поэтому для него важно было решить вопрос, в каком направлении идет движение: идет ли человечество вперед и что значит для него идти вперед, если оно идет вперед, то каким путем и под влиянием каких сил? В 80-90х гг, под влиянием теории Дарвина, широко распространяется эволюционный взгляд на мир, в том числе на историю⁷⁴. Виноградов полагал, что “эволюционная точка зрения, правильно понятая, не исключает идеи всемирно-исторического развития культуры и совершенствования ее”⁷⁵. То есть, эволюцию общества он в общем склонен был рассматривать как процесс прогрессивный. Докладательства этого историк видел разнообразные. В частности, одним из наиболее красноречивых, не без основания, он считал судьбу рабочих классов, пришедших от рабства и крепостной зависимости к личной свободе и относительному благосостоянию⁷⁶. В итоге наблюдений над историческим процессом Виноградов приходит к выводу, что “процесс этот эволюционный и в то же время прогрессивный, что те силы, которые до исторического человека обратили в дикаря, дикаря в варвара, варвара в гражданина, будут и впредь продолжать работать над человеком и создавать культуру человечества”⁷⁷.

Идею исторического прогресса развивали многие позитивистски настроенные авторы. Среди них Х. Раппопорт⁷⁸, В. А. Гольцев, Л. Слонимский, А. Н. Пыпин⁷⁹, М. М. Ковалевский, белорусский историк М. В. Довнар-Запольский и др. Последний, правда, утверждал, что “конечная формула прогресса еще ждет своего разрешения”, путь к чему он видел в обогащении позитивистской методологии К. Марксом и И. Кантом⁸⁰. Однако, Довнар-Запольский уже принадлежал к новому поколению исследователей, подвергшихся воздействию духа критицизма рубежа столетия.

В чем принципиальная слабость позитивистской теории прогресса, в немалой степени способствовавшая развитию кризисной ситуации в историографии России? Прежде всего, как ни странно, в ее недостато-

чной разработанности. Действительно, сколько-нибудь подробное теоретическое обоснование ее было дано из историков только Н. И. Кареевым и М. М. Ковалевским, удачно совместившими в себе качества и интересы историка и социолога. Но и их опыт оказался далеко не вполне удовлетворительным. Что же касается чисто социологических исследований, то они направлялись преимущественно на анализ современного состояния общества и с недоверием относились к философии истории⁸¹. Иными словами, они не претендовали на создание каких-то общих исторических схем и в обосновании исторического прогресса образовался известный вакуум. Показательно, что нередкие работы, дающие обзор крупных теорий прогресса, заканчивались серединой XIX века – О. Контом, Г. Спенсером и К. Марксом⁸². Из последующих попыток этого рода можно назвать разве что К. Бюхера с его теорией возникновения народного хозяйства. При всем различии подходов теоретиков прогресса к истории в XIX столетии им была присуща одна общая черта. Их взгляды историчны поскольку обращены в прошлое и внеисторичны, как только дело касается настоящего, а тем более будущего. Развитие общества в конце XVIII-XIX столетиях происходило столь быстрыми темпами, перемены оказались столь необратимыми, а успехи в науке, культуре, экономике столь значительными, что невольно оформилась своеобразная “философия пирамиды”. Вершиной представлялась современность, а все прошлое в виде подготовительных то ли переходных ступеней. Как раз то, о чем говорил Ключевский, определяя путь субъективного метода. Эта тенденция продолжала действовать и в веке XX, однако, постепенно у человечества выработалась привычка и к переменам и воздействие “философии пирамиды” ослабло. Классическим примером для XIX в. теории прогресса является философия истории Гегеля с ее саморазвивающимся духом, полувившим, наконец, реализацию в философии самого Гегеля, и возрастанием степени свободы, достигшей своего предела в прусском государстве. Но ту же схему мы видим у “отца позитивизма” О. Конта, в его трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества: теологической, метафизической и, наконец, позитивной или научной, которой соответствует контовская социология. Из того же источника питается и формационная схема К. Маркса с ее ожиданием скорого окончания постройки вершины пирамиды – коммунистической формации, после чего история фактически останавливается, поскольку ее цель реализована. Классическим капитализмом завершается развитие хозяйственной деятельности человечества у Бюхера: стадии домашнего, городского и народного хозяйства.

Не случайно в конце XIX – начале XX вв. все эти глобальные схемы прогресса либо подверглись критике или даже забвению, – развитие-то продолжалось в ускоряющемся темпе и неизвестно, в каком направлении,

либо спешно достраивались. Сомнения в глобальных теориях прогресса обнаружились достаточно рано, поэтому уже в 90-х гг. историки предпочитали писать об эволюции общества, подчеркивая ее общую прогрессивную направленность. Однако, от этой осторожности в употреблении понятий более разработанной позитивистская теория прогресса в истории не стала.

Следует отметить, что сами споры о прогрессе в истории оказались в пореформенной России политизированы. Как верно пишет Н. А. Бердяев: «То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой, или, во всяком случае, истиной, относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения»⁸³. Понятия «прогресс», «прогрессивные взгляды», «прогрессивные идеалы» и др. стали общеупотребительными, обязательными для всякого, считающего себя русским интеллигентом. Но трактовались они по-разному. Либеральная трактовка, присущая историкам-позитивистам, подверглась яростным атакам слева, со стороны некоторых экстремистски настроенных революционеров⁸⁴. Эта критика носила почти исключительно политический характер. На рубеже веков критика политическая революционная (уже марксистская) шла параллельно с научкой.

Находясь под постоянным присмотром слева, – а влияние левых сил на общественное мнение в России – безусловный факт, и основываясь на идеалах русской интеллигенции, позитивистская концепция стойко сохраняла свой либерально-прогрессивный дух. Сколь-нибудь серьезный кризис идеалов либерализма разразился лишь в связи с поражением первой русской буржуазно-демократической революции и расколом в либеральном лагере. Однако, неверно было бы абсолютизировать этот кризис, поскольку внедрение в России парламентных начал и обеспечение основных прав и свобод гражданина способствовало выживанию прогрессистских идей. Крах либерализма – не единовременный акт, а результат последовательных ударов со стороны бурного XX века: 1) революции 1905-1907 гг., расколовшей интеллигенцию и продемонстрировавшей иллюзорность ее представлений о единстве с народом; 2) первой мировой войны, развеявшей еще один миф теории прогресса о невозможности войн в условиях развитой капиталистической системы, 3) Октябрьской революции и Гражданской войны, поставивших точку на всяких оставшихся надеждах, возрожденных с победой Февральской революции.

Кризис политических идеалов русского либерализма в начале века означал и разрушение их представления об обществе как разумном общественном организме, где каждый класс, каждая социальная группа выполняет свою определенную функцию. Еще одна излюбленная идея по-

зитивистской парадигмы, берущая свое начало в биологии. По мнению П. Г. Виноградова, биология стоит дальше от исторических данных, чем психология, но “зато она обладает, так сказать, деятельными обобщениями, которые могут быть испробованы, и с успехом испробованы на этих данных”⁸⁵. Используя биологические законы применительно к развитию человека и общества, исследователь приходит к выводу о соответствии понятия организма различным формам организации общества. В настоящее время, по его мнению, “никто не сомневается, что развитие обществ в основе своей является органическим ...”⁸⁶. В качестве таких обособленных организмов в истории ученый называет семью, род, племя, государство, церковь⁸⁷. Тут же Виноградов определяет и роль общественных классов внутри отдельных общественных организмов. Их история, полагает он, представляет “самые яркие примеры эволюционного процесса ...”. “Расчленение общества на профессии, состояния, сословия дает прекрасное приложение общего начала дифференциации функций и дифференциации строения: совместная деятельность классов, их взаимные услуги и общая работа иллюстрируют процесс объединения, интеграции”⁸⁸. Общественным организмом является, по Виноградову, и совокупность человечества. Оптимистический настрой историка позволил увидеть в этом организме пробуждающееся сознание “солидарности, разумных целей и нравственных связей”⁸⁹. Вряд ли русский материал давал основания для столь радужного взгляда на общество и перспективы его развития. Скорее всего, Виноградов ориентировался на туманный Альбион. Заманчиво сегодня звучат слова мыслителя о солидарности и нравственных связях между народами, но не следует забывать, что между временем их рождения и сегодняшним днем две мировые войны и неопределенное будущее.

Прямые попытки переноса на общество всех закономерностей и функций организма демонстрировал А. И. Стронин⁹⁰. Более осторожно подходит к этому вопросу А. С. Трачевский⁹¹, М. М. Ковалевский⁹². Д. И. Багалея признавал идею органического развития в исторической жизни важнейшим достижением современной ему науки⁹³. Пережитки ее видны у М. В. Довнар-Запольского⁹⁴ и др. авторов. События XX века не могли не прийти в прямое противоречие с подобной трактовкой общества и его эволюции в качестве роста общественной солидарности. В итоге в позитивистской конструкции истории не выдержал еще один структурный элемент.

Наконец, классической науке свойственно представление об объекте изучения как малой системе, характеризуемой небольшим количеством элементов и их детерминированными связями. В это представление вполне укладывалась позитивистская концепция о факторах исторического процесса.

Идея о существовании определенных факторов, определяющих ход истории, была несомненным шагом вперед в исторической науке. Она пришла на смену сведения историографии к истории религии и церкви, идейных систем, либо политической истории.

Факторный подход к истории родился на базе расчленения на составляющие элементы реального единства исторического процесса. В сравнении с идеалистическим монизмом он имел то преимущество, что позволял более разносторонне осветить ход исторического процесса, придавал конкретность и усиливал фактологическую сторону исследования⁹⁵. В то же время выделение и самостоятельное изучение отдельных исторических факторов способствовало формированию представлений об обществе как некоем механизме, подчиняющемся законам социальной статики и динамики. Причем, механистический подход в рамках позитивистской парадигмы истории уживался с трактовкой общества как организма.

Так, В. О. Ключевский в “Курсе русской истории” выделяет следующие элементы общежития: “Итак, человеческая личность, людское общество, и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие. Каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов или связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы”⁹⁶. По своему происхождению одни из этих элементов, полагает ученый, можно признать первичными, другие-вторичными. По свойствам и потребностям человека они делятся на физиологические, экономические, юридические, политические и духовные⁹⁷. В своем курсе лектор в первую очередь излагал факты политические и экономические с их разнообразными следствиями и формами проявления. Именно разработка социально-экономической проблематики стало важнейшим следствием внедрения “теории факторов” в историю.

Социально-экономическая сторона истории стала главным объектом изучения для целого ряда медиевистов, выделяемых в целое направление⁹⁸. Одним из первых его представителей был И. В. Лучицкий. Среди наиболее ярких имен этого направления – П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, а, из молодого поколения – Р. Ю. Виппер, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин и др. Важное место социально-экономическая проблематика нашла и в работах ученых-античников, таких как М. И. Ростовцев, М. М. Хвостов, И. М. Греве, историков нового времени – Е. В. Тарле, и др.

Речь, конечно, не идет о тождестве подходов названных авторов к проблеме факторов исторического процесса. В своих трудах они давали неодинаковую оценку влияния экономической стороны на ход исторического процесса, что довольно подробно рассматривалось в историографии. Однако, важно подчеркнуть, что наметился определенный разрыв между кон-

кретно-исторической практикой этих исследователей и их теоретическим решением вопроса о роли отдельных факторов в истории. Если в конкретных трудах они уделяли преимущественное внимание социально-экономической стороне истории, то на уровне теории исходили из идеи равнозначности различных факторов, выступали против “крайностей” материализма и идеализма. Например, П. Г. Виноградов сосредоточил свои исследования на изучении юридических и экономических отношений средневековья. Он указывал в своей автобиографии, что его привлекали здесь не поверхностные явления, “а глубокие движущие силы, создавшие то водораздельное в истории Европы явление, которое называется феодализмом. А эти движущие силы и могли быть раскрыты лишь в области социально-экономических и правовых отношений”⁹⁹. Исходя из этой точки зрения он и обратился в английской истории к манору, как социальному институту, проходящему через все ее стадии, в котором “сосредоточиваются экономические, социальные и политические идеи и учреждения”¹⁰⁰.

Научные позиции Виноградова позволили Н. И. Карееву даже обвинить его в том “грехе”, что “он держится исторической теории, довольно близкой к так называемому экономическому материализму”¹⁰¹. В то же время сам ученый утверждал, что он никогда не считал изучение правовых и экономических явлений единственной руководящей нитью¹⁰².

Противником монизма в любой его форме выступал М. М. Ковалевский. “Теория факторов” у него выражена определеннее, чем у Виноградова. Ковалевский отстаивал идею тесной зависимости, в какой стоят между собой экономические, социальные и политические явления, причем особое внимание уделял био-социальному фактору-росту населения. К историческому материалу ученый подходил в первую очередь как социолог, желающий “проверить на материале, взятом у разноплеменных народов Европы, несколько основных положений, весьма немногих по своему числу и тесно связанных с выяснением поступательного и более или менее параллельного хода экономических, социальных и политических явлений”¹⁰³. Однако, такой плюрализм не исключал, что в отдельных своих трудах или лекционных курсах, например, на экономическом отделении Петроградского Политехникума, он делал попытку не только для современности но и для более ранних эпох, в частности для Англии XIV и XV века “подставить под картину политического строя ... фундамент экономических и социальных явлений”¹⁰⁴.

Социально-экономическая проблематика заняла поистине ведущую роль в творчестве Ковалевского. Чтобы оценить вклад ученого в ее разработку достаточно вспомнить о таких его фундаментальных трудах как “Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения” (ч. 1 – М., 1879), “Общественный строй Англии в конце средних веков” (М., 1880), “Происхождение современной демократии” (Тт. 1-4, М., 1895-

-1897), “Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства” (Тт. 1-3, М., 1898-1903) и др.

Д. И. Багалей во имя исторической перспективы восставал “против исключительного господства той или иной стороны жизни в общем историческом изложении ...”¹⁰⁵. Постановка проблемы об основном и производных факторах истории для него непреемлема в качестве априорной доктрины. Историк предлагает держаться взгляда, что “идеи с таким же основанием могут быть признаны основой исторического процесса, как и хозяйственные отношения”¹⁰⁶.

Выступления в либеральной историографии против “экономического материализма” в истории усилились на рубеже XIX-XX вв., по мере распространения марксизма в России. Процесс этот шел параллельно с укреплением позиций “социально-экономического направления” в историографии, представители которого в свою очередь полемизировали с марксизмом. В рамках этой полемики оттачивалась “теория факторов”, да и само ее концептуальное оформление связано с этой полемикой.

Принципиально новым явлением в дискуссии с марксизмом на рубеже веков было переведение проблемы о роли экономического фактора в истории сугубо в методологическую плоскость. Рельефно это выразилось в работах молодого поколения всеобщих историков, однако нашло свое отражение и у исследователей старшего поколения, например, у В. О. Ключевского.

Стремясь оправдаться перед своими слушателями за недостаточное внимание к роли идей в “Курсе русской истории”, ученый говорил: “Полагая в основу исторического изучения процессы политические и экономические, я не хочу сказать, что историческая жизнь состоит только из этих процессов, и что историческое изучение должно ограничиваться канцеляриями да рынками. Не одними канцеляриями и рынками движется историческая жизнь; но с них удобнее начинать изучение этой жизни”¹⁰⁷. И далее лектор подчеркивал: “Я хочу сказать, что факты политические и экономические полагало в основу курса по их значению не в историческом процессе, а только в историческом изучении. Значение это чисто методологическое”¹⁰⁸. Однако, такой поворот открывал широкие возможности релятивистским интерпретациям истории, поскольку вопрос о порядке описания объекта лежит полностью в рамках компетенции исследователя. Объективно, этот поворот был направлен на подрыв позитивистской парадигмы, нацеленной на получение надежного позитивного знания, близко соответствующего исторической реальности.

Наконец, говоря о серьезном воздействии полемики с марксизмом на формирование позитивистской теории факторов, неправомерно сводить к влиянию марксизма само обращение науки к широкому изучению социально-экономической стороны истории.

Е. В. Тарле, объясняя современный интерес к экономической истории, очень верно отметил в 1903 г., что тут соединились запросы текущей действительности и научного знания¹⁰⁹. Рассматривая роль последнего элемента, исследователь глубоко вскрыл связь интереса к социально-экономической стороне истории с потребностями разработки позитивистской парадигмы. Дело в том, писал ученый, что с 50-60-х гг. XIX в., главным образом под непосредственным влиянием О. Конта в социальных науках усилилось стремление превратить историю из собрания фактов в “настоящую науку, вывести ряд законов, правильность которых была бы незыблемо оправдана и установлена всеми известными нам историческими фактами. И вот тут-то оказалось, что почти отсутствует в науке разработка хозяйственного прошлого людей, а без знания этого прошлого ... историк всегда был, есть и будет совершенно бессилён”¹¹⁰. В итоге исследователям пришлось серьезно заняться изучением экономической истории людских обществ. То есть, потребность была рождена из стремления познать историческую реальность во всех её проявлениях. Плюралистический подход был заложен в самой познавательной установке. На практике это зачастую оборачивалось эклектизмом¹¹¹.

В то же время, позитивистский подход к истории на основе изучения действия отдельных факторов предполагал, что в итоге можно получить цельное представление об историческом процессе, как некоем устойчивом объекте. Т. е., что свойства целого полностью определяются состоянием и свойством его частей. Такая установка на поиск и анализ “малой системы” сыграла с историками-позитивистами злую шутку в период бурных социальных катаклизмов первой четверти XX века, когда отдельные составляющие системы, как и вся она в целом, повели себя вопреки устоявшимся представлениям и прогнозам. Именно несоответствие этих представлений реалиям вызвало к жизни полные драматизма статьи Р. Ю. Виппера 1913-1920 гг., объединенные в сборник “Кризис исторической науки” (Казань, 1921), в которых историк констатирует крах целого мировоззрения.

Оказалось, что на самом деле общество относится к категории сложных саморегулирующихся систем с весьма не предсказуемым взаимодействием элементов.

Таким образом, основное содержание позитивистской парадигмы можно свести к следующим элементам: 1) гносеологический оптимизм и рационализм, вера в возможность средствами науки познать и преобразовать в благоприятную для человека сторону мир; данный элемент следует признать доминирующим для позитивистской историографии; 2) утверждение единства научного знания; 3) стремление “подтянуть” историю до уровня естественных наук за счет реализации в ней основных идеалов и норм естественнонаучного исследования; 4) объективизм;

5) признание существования законов развития общества; 6) признание наличия прогресса в истории человечества; 7) трактовка общества как организма; 8) теория факторов.

Постулаты позитивистской парадигмы имели свои сильные и слабые стороны. Кризис парадигмы, в которой она вступает на рубеже эпох, не означал необходимости отказа от всех составляющих ее идей, поскольку они, во-первых, не в одинаковой мере соответствовали реалиям исторического исследования, и, во-вторых, занимали разное положение в иерархической структуре парадигмы. Критики “первого позитивизма” в истории обратили особое внимание на методологические вопросы своей науки, утверждая специфику исторического познания и относительный характер достоверности в истории, сохраняя убеждение в единстве научного знания. Признавая наличие повторяемости в историческом процессе, они в тоже время отказались от теории исторического прогресса, сосредоточившись на сравнительном изучении социальной истории отдельных культур и народов.

СНОСКИ

- 1 Кун Т. Структура научных революций. – М: Прогресс, 1975. – С. 11.
- 2 Там же. – С. 220.
- 3 Там же. – С. 221.
- 4 Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 10.
- 5 В связи с этим М. А. Барг пишет, что “если историческая наука теоретична по своей природе, если определяющие каждый данный тип историописания... теоретические и логические посылыки выступают по отношению к нему как заданные мировоззренческой сытью каждый данной системы культуры, одним словом, как интеллектуальные формы, от которых, попросту говоря, зависит, что и как историк увидит в истории, то очевидно, что с анализа именно этих посылок и должна начинаться история исторической науки” (Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – № 12. – С. 54).
- 6 Например, П. Г. Виноградов, будучи гласным Московской думы, председательствовал в Училищной комиссии; взял два урока в неделю в московской 5-й мужской гимназии для выработки на практике учебника всеобщей истории. В итоге был составлен учебник в 3-х частях: древность, средние века, новое время, выдержавший 12 изданий. Кроме того, он – составитель “Книги для чтения по истории средних веков” в 4-х томах, удостоенной большой премии Императора Петра Великого. Виноградов был членом правительственных комиссий по реформе средних учебных заведений; в 1897-98 гг. председательствовал в Учебном отделе Общества распространения технических знаний; участвовал в разработке исторических программ для комиссии по организации домашнего чтения; был инициатором и председателем, а впоследствии почетным членом Педагогического общества при Московском университете и т.д. (Материалы для биографического словаря действительных членом Императорской Академии Наук – Т. 3. Часть вторая. – М.-Я. Императорская Академия Наук. 1889-1914. – Пг., 1917 – С. 297). Не меньшей активностью в этой области отличался Н. И. Кареев, автор целой серии брошюр по вопросам народного образования, составитель программ чтения для самообразования и т.д. Учебная книга по древней истории Кареева выдержала 8 изданий (болгарский и сербский перевод), по истории сред-

- них веков – 9 (болгарский, польский, сербский переводы), по новой истории – 15 (болгарский, польский и сербский перевод). (Из далекого и близкого прошлого: Сб. этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. – Пг. -М., 1923. – С. 7-18).
- 7 В статье “равной мере привлекаются работы как “всеобщих”, так и “отечественных” историков. Еще В. О. Ключевский отметил условность деления на отечественную и всеобщую историю, необходимость единого для них метода (Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. – М.: Мысль, 1989. – Т. 6– С. 6). Сам он читал курсы не только по истории России, но и по всеобщей истории.
 - 8 Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – С. 44.
 - 9 Там же. – С. 45.
 - 10 См: Могильницкий Б. Г. О соотношении исторического и естественнонаучного познания // Средние века. – Вып. 38. – М.: Наука, 1975. – С. 9.
 - 11 Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Собр. соч. в 5 томах. – Т. 4. – М.: Правда, 1974. С. 247.
 - 12 Там же. – С. 253.
 - 13 Михайловский Н. К. Аналитический метод в общественной науке // Сочинения. – 3-е изд. – Т. 1. – СПб., 1894. – С. 45.
 - 14 Там же. – С. 45-46.
 - 15 Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. – С. 12-13.
 - 16 См: Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии. – С. 56.
 - 17 О своем интересе на гимназической либо уже студенческой скамье к трудам О. Конта, Г. Спенсера, Д. С. Милля вспоминали многие историки-позитивисты, например, М. М. Ковалевский (Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук: Ч. 2. – С. 314-315), А. С. Лаппо-Данилевский (Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук: Ч. 1. Императорская Академия Наук. 1889-1914. – Т. 3. – Пг. 1915. – С. 405), Н. И. Кареев (Огюст Конт как основатель социологии // Введение в изучение социальных наук. – СПб., 1903). Последним словом в науке провозгласил О. Конта молодой И. В. Личичкий (Адам Фергюсон и его историческая теория // Университетские известия, – Киев, 1868. – № 11: С. 7-10) и т.д.
 - 18 См.: Пресняков А. Труды М. А. Дьяконова по русской истории // Русский исторический журнал. – 1921. – № 7. – С. 8.
 - 19 Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском университете. – М., 1911, – С. 253.
 - 20 См.: Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. – М.: Наука 1983. – С. 31.
 - 21 Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1. – Вып. 3. – СПб., 1886. – С. 112-113. Е. В. Адамюк родился в г. Бельске Гродненской губернии, закончил гимназию в г. Белостоке.
 - 22 Там же. – Т. 2. – Вып. 24. – СПб., 1890. С. 101. О. В. Бараниецкий тоже из дворян Гродненской губернии и выпускник Белостокской гимназии.
 - 23 Виноградов П. Г. О прогрессе. – М., 1898. – С. 3.
 - 24 Там же. – С. 30.
 - 25 Там же. – С. 31.
 - 26 См.: Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. – С. 17.
 - 27 Очерки всеобщей истории: Ч. I. Древний мир и средние века. – М., Б.г. – С. 2.
 - 28 См.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. – М.: Наука, 1974. – С. 254-267.
 - 29 Ключевский В. О. Методология русской истории // Соч. в 9 томах. – Т. 6. – С. 74-75.

- 30 Там же. – С. 76.
- 31 Там же. – С. 89.
- 32 См., например: Спенсер Г. Изучение социологии. – Спб., 1899 (главы IX. “Патриотическая точка зрения”, X “Сословные предрассудки”, XI “Политические воззрения”, XII “Догматические воззрения”, XIII “Умственная дисциплина”).
- 33 См.: Михайловский Н. К. Об истине, совершенстве и других скучных вещах // Полн. собр, соч. – 4-е изд. – Т. 3. – Спб., 1909-С. 382-407.
- 34 Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. VIII. Исторический. – Полутом I. – Харьков, Б.г. – С. 4.
- 35 Бузекул В. П. Исторические этюды. Спб., 1911. – С. 183.
- 36 Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Т. 3. – Часть II. – С. 293.
- 37 Шепкин Е. Н. Автобиография Л. Ранке // Русская мысль. – 1893. – № 8. – С. 149-169; 1894 – № 1. – С. 63-84; № 2. – С. 41-52.
- 38 Hughes H. S. History as Art and as Science – N. Y. Evanston, d, s. 1964. P. 8.
- 39 П. Н. Милоков связан не только с российской, но и болгарской наукой. После своего увольнения из Московского университета в 1897 г. он уехал в Болгарию, где занял кафедру всеобщей истории в Софийском университете и читал лекции о философско-исторических системах, по римской истории и др. В 1898 г. по требованию царского правительства чтение лекции было прекращено. (Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – С. 240).
- 40 Милоков П. Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. – 2-е изд. – Спр., 1903. – С. 277.
- 41 Там же. – С. 270.
- 42 Милоков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. Сб., 1896. С. 5.
- 43 Ключевский В. О. Соч. в 9 томах. – Т. 6. – С. 72.
- 44 Там же. – С. 74.
- 45 Там же. – С. 79.
- 46 Там же.
- 47 Там же. – С. 90.
- 48 Там же.
- 49 Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 293.
- 50 Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. – 1890. Кн. I, – С. 92.
- 51 См.: Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 296.
- 52 Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж, Итоги и приемы его ученой работы. – С. 92.
- 53 Там же. – С. 97.
- 54 Кареев Н. И. П. Г. Виноградов // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: Историко-литературный сборник. – Т. 6. – Спб., 1897-1904. – С. 75.
- 55 Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 293.
- 56 См.: Петрушевский Д. М. О задачах всеобщей истории как науки // Образование. – 1898. – № 2. – С. 5-7; Тенденции современной исторической науки // Образование. – 1899. – № 5-6. – С. 77.; Вишпер Р. Ю. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С. 47. Подробный анализ аргументов сторон см.: Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900х годов. – Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1969. – С. 185-190.

- 57 Пресняков А. Труды М. А. Дьяконова по русской истории. – С. 9. Имеются ввиду книги Дьяконова: Власть московских государей. – Спб., 1889; Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI-XVII вв.). – Спб., 1898; Очерки общественного и государственного строя древней Руси. – Спб., 1907.
- 58 См.: Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 131.
- 59 Виноградов П. Г. Накануне нового столетия. – М. 1902, – С. 25-26.
- 60 Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I // Соч. в 9 т. – Т. I. – М.: Мысль, 1987. – С. 39.
- 61 Ключевский В. О. Русская историография 1861-1893 гг. // Соч. в 9 т. – Т. 7. – М.: Мысль., 1989. – С. 385.
- 62 Лебедев М. В. Творчество в истории // Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. – Т. XII. – Одесса, 1905. – С. 22.
- 63 Там же.
- 64 См.: Гольцев В. “Основные вопросы философии истории” Н. Кареева 1883 // Русская мысль. – 1883. – № 11. – С. 144-149; Слонимский Л. Законы истории и социальный прогресс // Вестник Европы. – 1883. – Т. 6. – С. 253-282.
- 65 Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры.– Ч. I, – С. 8.
- 66 Милуков П. Н. Из истории русской интеллигенции. – С. 291.
- 67 Там же. – С. 304.
- 68 Там же. – С. 274.
- 69 Ключевский В. О. Соч. в 9 т. – Т. 6. – С. 398.
- 70 Там же. – С. 83.
- 71 Багалеи Д. И. Русская история: Т. I Княжеская Русь (до Иоанна III). – М., 1914. – С. 15.
- 72 Виноградов П. Г. О прогрессе. – С. 4.
- 73 Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж: Итоги и приемы его ученой работы. – С. 84.
- 74 См.: Виноградов П. Г. О прогрессе. – С. 31-33.
- 75 Там же. – С. 56-57.
- 76 Там же. – С. 59.
- 77 Там же. – С. 61.
- 78 См.: Раппопорт Х. Философия истории в ее главных течениях. – Спб., 1898.
- 79 См.: Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Ред. и прим. Г. В. Вернадского. – Пг., 1916. Историк подчеркивал, что “в здоровой и сильной нации, идущей с действительным сознанием путями цивилизации, историческое движение может быть только прогрессом, постоянным совершенствованием...” (С. 4).
- 80 Довнар – Запольский М. В. Исторический процесс русского народа в русской историографии // Русская мысль. – 1902. – № 3.– С. 186-187.
- 81 Анализ немарксистской социологии в России см.: Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX-начала XX века. – Л.: Наука, 1978.
- 82 См.: Виноградов П. Г. О прогрессе; Раппопорт Х. Философия истории в ее главных течениях; Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVII, XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. – Спб., 1900; Тарле Е. В. Всеобщая история (Очерк развития философии истории) / По лекциям проф. Тарле сост. Г. С. – Спб., 1908 (Литограф. изд.) и др.
- 83 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 18.
- 84 См., например, статьи П. Н. Ткачева “Экономический метод в науке уголовного права”, “Льюис Милль Д. С., Огюст Конт и положительная философия”, “Закон общественного самосохранения”, “Что такое партия прогресса” и др. (Ткачев П. Н. Сочинения в двух томах. – Т. I. – М.: Мысль, 1975).

- 85 Виноградов П. Г. О прогрессе. – С. 41.
- 86 Там же. – С. 43.
- 87 Там же. – С. 44.
- 88 Там же. – С. 58.
- 89 Там же. – С. 61.
- 90 См.: Стронин А. И. История и метод. – Спб., 1869.
- 91 См.: Трачевский А. С. Предисловие // Вормс Р. Общественный организм. – Спб., 1897.
- 92 См.: Ковалевский М. М. Социология и социологи // Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета. – М., 1897.
- 93 Бегалей Д. И. Русская история. Т. I – С.5.
- 94 Подчеркивая значение изучения окружающей материальной среды для правильного понимания истории, Довнар-Запольский писал: “Вообще, если общество есть организм, то и нужно начинать изучение его с органических потребностей. Надо прежде всего подвергнуть рассмотрению способы, какими в данный исторический момент известное общество удовлетворяет свои материальные потребности ...” (Довнар-Запольский М. Исторический процесс русского народа в русской историографии. – С. 185).
- 95 Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 314.
- 96 Ключевский В. О. Соч. в девяти томах. Т. I. – С. 40.
- 97 Там же. – С. 41.
- 98 Автор термина “социально-экономические направления” в русской медиевистике Б. Г. Могильницкий. Подробный анализ направления см: Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969; Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. – Изд-во 2-е. – М.: Высш.шк., 1985. С. 311-361; Мягков Г. П. “Русская историческая школа”: Методологические и идейно-политические позиции. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1988.
- 99 Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. – Т. 3. – Ч. II. – С. 295.
- 100 Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии. – Спб. 1911 – С. 5.
- 101 Кареев Н. И. Виноградов П. Г. // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). – Т. VI. – С. 76.
- 102 Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской академии наук. – Т. 3. – Ч. II. – С. 294.
- 103 Там же. – С. 317. (Автобиография М. М. Ковалевского).
- 104 Там же. – С. 316.
- 105 Багалей Д. И. Русская историография. – Т. I. – С. II.
- 106 Там же. – С. 13.
- 107 Ключевский В. О. Соч. в девяти томах. – Т. I. – С. 56.
- 108 Там же. – С. 58.
- 109 Тарле Е. В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Соч. в двенадцати томах. – Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 299.
- 110 Там же. – С. 302-303.
- 111 Например, Д. И. Багалей следующим образом понимал эту установку: в истории “имеют полное право гражданства явления и экономической, и социальной жизни, и умственного, и нравственного прогресса общества ... лишь бы только, в конце концов, из всего этого материала можно было сделать грандиозную историческую картину, на которой ... было бы изображено все прошлое известного народа ...” (Русская историография. – Т. I – С. 10).

**PODSTAWOWE ELEMENTY
POZYTYWISTYCZNEGO PARADYGMATU HISTORII
(NA MATERIAŁACH ROSYJSKIEJ HISTORIOGRAFII)**

Autor przedstawia w artykule podstawowe elementy składające się na pozytywistyczny model historii, dominujący w naukach historycznych w wielu europejskich krajach w II połowie XIX i na początku XX wieku. Pojęcie „paradygmat” autor ujmuje w szerokim sensie tego słowa, jako całokształt poglądów i ustaleń oraz związanych z nimi naukowych dokonań, stanowiących w sumie pewien model badawczy.

Do analizy autor wykorzystał materiały rosyjskiej historiografii II połowy XIX i początków XX wieku, zarówno prace naukowe jak i cykle wykładów, publicystykę i biografistykę, takich wybitnych historyków jak: W. O. Kluczewskij, P. G. Wino-gradow, N. J. Korejew, P. N. Miljukow, D. I. Bagalej, M. M. Kowalewskij i innych. Oceniając sens pozytywistycznego widzenia historii, autor zwraca uwagę na umowność tworzonego wspólnego obrazu, ponieważ poglądy badaczy na te kwestie są zróżnicowane i nie dają się ująć w jeden klarowny schemat. Trudno też określić wyraźną granicę między starym a nowym modelem historii, gdyż określone elementy nowych poglądów „gromadzą się” w systemach poprzednich.

Z dokonanej analizy autor wyprowadza następujący wniosek – historiografia w omawianym okresie rozwijała się pod silnym wpływem nauk przyrodniczych. Z przyrodoznawstwem łączono zmiany w naukach społecznych i ich podniesienie do rangi nauk ścisłych. W tym czasie następował też burzliwy rozwój ekonomiczny społeczeństw europejskich i wyraźny postęp w poznawaniu świata. Miało to bezpośredni wpływ na ukształtowanie się pozytywistycznego modelu historii.

Sumując rozważania, autor sprowadza istotę pozytywistycznego paradygmatu historii do następujących elementów tworzących jego strukturę:

- 1) gnoseologiczny optymizm i racjonalizm, wiara w możliwość poznania i przekształcenia świata, przy pomocy nauk społecznych, w świat bliski człowiekowi (ten element uznawany jest za główny w pozytywistycznej historiografii);
- 2) uznanie jedności zasad poznania naukowego;
- 3) dążenie do „podniesienia” historii do poziomu nauk przyrodniczych, włączając do niej zasady stosowane w tych naukach;
- 4) obiektywizm;

- 5) uznanie, że istnieją prawa rozwoju społecznego i że możliwe jest ich poznanie;
- 6) przyznanie, że rozwój społeczny zawiera elementy postępu;
- 7) traktowanie społeczeństwa według wzorów organizmu biologicznego;
- 8) teoria czynników procesu historycznego, pozwalająca wyodrębnić w historiografii kierunki badań społecznych.

Pozytywistyczny paradygmat historii miał swoje słabe i silne strony. Kryzys jaki go dotknął na przełomie wieków nie oznaczał jeszcze rezygnacji z wszystkich zasad i idei, wymagał tylko zdecydowanych zmian, doprowadzających do ich zgodności z wynikami badań historycznych w nowej epoce.